

— А! Дочь! Жули!

Онъ поклонился въ сторону косноязычной дѣвушки, которая зардѣлась отъ удовольствія. Прочіе подарки состояли изъ чайнаго сервиза, альбомовъ, серебрянаго колокольчика.

— Хорошій звонъ! — сказалъ онъ, позвонивъ, и отвернулся.

Дамы льстили ему и находили, что онъ пополнѣлъ и смотреть молодцомъ. Мужчины ласково глядѣли на него, и каждый хотѣлъ заговорить съ нимъ. Онъ увидѣлъ Прягина, который только-что пересталъ бесѣдовать съ Варварой Тихоновной, и сказалъ:

— Какъ ваши банкиры? Загребаютъ деньги лопатой? А?

Другому гостю, отставному учителю гимназіи, онъ молвилъ:

— Кажется, вы получили пенсію? Девятьсотъ рублей? Завидный удѣлъ! Хотѣлъ бы я получать пенсію!

Федора Игнатьича онъ потрепалъ по плечу.

— Ну, что, коллега, умираютъ пациенты?

Двери распахнулись, и гости увидѣли длинный столъ, покрытый бѣлоснѣжной скатертью и весь въ хрусталѣ и серебрѣ.

— Милости просимъ! Милости просимъ!

X.

Кто-то изъ гостей занялъ-было обычное мѣсто Филиппа Проклыча.

— Извините, пожалуйста, я привыкъ сидѣть всегда здѣсь, — сказалъ хозяинъ.

Онъ завязалъ вокругъ шеи салфетку, взялъ въ руку другую и по временамъ съ увлеченіемъ чистилъ себѣ бороду и усы. Замѣтивши, что Федоръ Игнатьичъ не пьетъ, онъ сказалъ, ткнувъ пальцемъ въ бутылку:

— Попробуйте! Вы молодой человекъ, вамъ нужна поэзія. Умрете — на томъ свѣтѣ такой наливки не будетъ.

Нѣсколько разъ поднимали тостъ за здоровье его и Анны Николаевны. Онъ кланялся. Обѣдъ былъ роскошный и оживленный. Разговоръ не умолкалъ ни на минуту, и голоса становились все громче. Дамы раскраснѣлись и ухаживали за мужчинами. Передавались городскія новости, и вполголоса хвалили искусство хозяина дома.

Онъ услышалъ, что говорятъ о немъ. Улыбнувшись въ салфетку и сдѣлавъ довольную гримасу, онъ сказалъ:

— Помилуйте! Куда же мнѣ! Я рутинеръ, я слѣдую ста-